— Ты слишком дерзок, Андрей, — произнес Император Лайт.

Давление внезапно исчезло. Сэмуэл не совсем понимал, почему император, всегда придерживавшийся принципа лучше убить невиновного, чем позволить преступнику ускользнуть, вдруг переменился в лице, и интуиция подсказывала ему, что дело неладно.

Император смотрел на него так, будто безмерно любил, однако Сэмуэл, оказавшись в эпицентре бури, чувствовал неладное: этот взгляд несомненно нес в себе угрозу и подавление. Увидев, что император откашлялся, а затем дважды хлопнул в ладоши…

Два громких хлопка заставили беседовавших и танцующих в зале знатных гостей разом замолкнуть. Все взгляды устремились на возвышение.

— Дамы и господа, — произвел Император. — Уверен, вы все гадаете, почему в столь обычный день я устроил столь грандиозный пир. Все потому, что сегодня у меня есть радостная весть, которую я хочу объявить всем вам…

— Я решил выдать мою младшую дочь Катрин замуж за самого выдающегося альфу Империи Лайт, Сэмуэла Харри!

Всего одна фраза, но она упала, словно камень, в гладкую гладь озера. На мгновение воцарилась тишина, а затем по воде мгновенно побежали круги, и озеро закипело и забурлило.

Почти во всех взглядах читалось изумление, из глотков вырывалось хриплое, не верящее своим ушам судорожное дыхание.

— С ума сойти! Разве Его Величество не всегда опасался семьи Харри? Почему он выдает за него принцессу?!

— С чего вдруг такая внезапность? Почему до меня не дошло ни малейшего слуха?!

— Женившись на принцессе, он станет еще влиятельнее! Разве это решение императора не означает выращивание тигра в собственном доме?

И не только они — прекрасное лицо Сэмуэла, распростертого у ног монарха, вмиг лишилось всяких красок, и он донельзя бледным взглядом уставился на императора.

Что такое правитель страны? Одним лишь мигом он может решить судьбу человека — даже если ты так называемый сильнейший альфа, даже если ты невероятно благородный герцог.

Все они лишь марионетки на ниточках.

Даже Андрей, всегда отличавшийся скрытностью и рассудительностью, резко переменился в лице:

— Отец!

— Андрей! — император нахмурился. — Что с тобой! Убери свой феромон! Мы на балу!

Его взгляд обрел почти осязаемую тяжесть:

— Не забывай, что ты наследный престол!

В его сердце жил лишь собственный род.

Верно. Стоило этому решению прозвучать, как эмоции Андрея зашкалили — пусть он и изо всех сил сдерживал рвущееся наружу пламя своего феромона, тот все же бушевал на опасной грани.

Сэмуэл, естественно, почувствовал это. Внизу живота кольнула резкая боль — к счастью, перед выходом он ради безопасности вколол себе две дозы ингибитора, иначе перед лицом всех этих людей он наверняка полностью потерял бы лицо.

Грозный окрик императора помог Андрю обрести некоторую долю самообладания. Он приоткрыл рот и отвесил монарху почтительный поклон принца.

Две стражницы распахнули тяжелые двери, и перед собравшимися предстала роскошно одетая, ослепительно яркая женщина-омега — принцесса империи Катрин Лайт.

Катрин отличалась невероятно взбалмошным нравом. Она страстно желала выйти замуж за Сэмуэла, но раз за разом получала отказ, и никто не знал, сколько именно омег, открыто или скрытно выказывавших Сэмуэлу симпатию, она тайком устранила.

Кто бы мог подумать, что теперь император сам пожалует ей в мужья избранника.

Добившись своего, она задрала нос еще выше и под завистливыми или ревнивыми взглядами взяла Сэмуэла за оцепенелую руку. Однако тут же ощутила резкий, ранящий укол лавандового аромата, от которого у нее перехватило дыхание:

— Братец Сэмуэл…

В присутствии омег Сэмуэл Харри всегда держался безупречно и мягко, что и сделало его мечтой бесчисленных омег, но сейчас его взгляд, устремленный на Катрин, был ледяным и

даже исполненным отвращения, а лицо помрачнело.

Давление долго подавляемого внутреннего отторжения заставило его потерять контроль над собственными феромонами. Столкнувшись с морскими феромонами, которые бушевали в его теле под воздействием ингибитора, Сэмуэл едва мог разогнуться.

— Простите, Ваше Высочество... Кажется, рана открылась...

Несколько неучтиво оттолкнув Катрин, он прижал руку к животу и на глазах у изумленной публики бросился к все еще распахнутой двери.

Стройная и изящная фигура Сэмуэла постепенно растворилась в густой ночной тьме, скрывшись от глаз гостей. Толпившиеся вокруг аристократы зашушукались:

— Что здесь происходит? Открытое неповиновение? Как Сэмуэл посмел проявить такую дерзость!

— Слишком уж неблагодарлен! Пусть не забывает, что нынешняя империя — это империя Лайт, а не Харри!

— Тихо!! — Поступок Сэмуэла больно ударил по авторитету Его Величества, и глаза императора наполнились гневом. — Он же ясно сказал, что рана открылась. Кто еще посмеет злословить у него за спиной?

Раз уж император сказал так, аристократы переглянулись и вернулись к той атмосфере, что царила до появления Сэмуэла, однако сердца каждого из них трепетали от пережитого потрясения, явно не в силах успокоиться.

В конце концов этот грандиозный прием завершился расстройством.

Тело императора слабело день ото дня. Не прошло и много времени после ухода аристократов, как он тяжело зашелся кашлем на своем троне, изверг изо рта большую лужу темной крови и лишился чувств.

Женщина-служанка бета уже привыкла к подобному. Она подозвала еще нескольких бет, чтобы те водрузили монарха на парчовые носилки и унесли прочь. Огромный дворцовый зал погрузился в тишину — остались лишь брат и сестра Лайт.

Катрин в свете свечей любовалась своими ярко-алыми ногтями, поднесла их поближе к губам и легко подула. Ее дыхание пахло нежнейшими цветами, а сама она выглядела крайне обольстительно.

— Ты ужасно зол, братец, — она посмотрела на Андрея, и в ее взгляде читался чистой воды вызов. — То, что я заполучила Сэмуэла, так сильно тебя бесит?

— Хм, — Андрей презрительно глянул на нее. — Он до того отвращает тебя, что сбежал под предлогом разошедшейся раны. Разве ты не считаешь себя посмешищем?

— Ой брось, неужели такие люди, как мы, вообще волнуются о какой-то там романтике? — Катрин небрежно махнула рукой. — Разве тот, кто заполучит его тело, не преуспел? А ты разве не завидуешь? Ты ведь едва не потерял самообладание прямо перед отцом.

Она насмешливо посмотрела на брата:

— Все эти годы я устраняла омег и бет, которые пытались подобраться к нему, а ты — альф, которые хотели заставить его забеременеть. И при этом, хотя ты вполне мог бы попытаться стать единственным, от кого он забеременеет, тебе приходится себя сдерживать? До чего же изнурительно, верно?

Катрин кончиком пальца указала на трон их отца:

— Выбрав этот престол, ты лишаешься всяких шансов на него. Ты ведь знаешь это, братец.

В его сердце жил лишь собственный род.

Она звонко рассмеялась.

http://bllate.org/book/33298/4088743